

Кузеванова А.Л. 2010. Ценностные представления современных российских бизнесменов: опыт социологического анализа. — *Общество. Среда. Развитие*. № 3. С. 12-16.

Лапин Н.И. 2010. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов. — *Социс. Социологические исследования*. № 1. С. 28-36.

Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. 2004. Предпринимательский потенциал российского общества — *Мир России*. Т. XIII. С. 116-145.

KOSHARNAYA Galina Borisovna, Dr.Sci.(Soc.), Professor; Head of the Chair of Sociology and Personnel Management, Penza State University (40 Krasnaja St, Penza, Russia, 440026; k-galina1@yandex.ru)

THE INFLUENCE OF VALUES OF THE DOMESTIC BUSINESS ON INTEGRATION PROCESSES IN SOCIETY

Abstract. The article analyzes the role of entrepreneurship for the consolidation of the modern Russian society. According to the results of the author's study the content of the values in the business environment is not always coincides with the value orientations of the majority of Russian society. The author proves that the consolidation of the society requires correction of the values of the businesses, taking into account the interests of the whole society.

Keywords: business, business value, consolidation of society, integration of society

МИХАЙЛОВА Рената Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашской государственной сельскохозяйственной академии (428003, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, 29; neti-mix@yandex.ru)

АГАЕВА Екатерина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашской государственной сельскохозяйственной академии (428003, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, 29; agaeva.ek@yandex.ru)

ИЛЬИН Евгений Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашской государственной сельскохозяйственной академии (428003, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, 29; Iyin.evgeniy2012@yandex.ru)

О ДУХОВНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА РОССИИ В «БОЛЬШОМ» ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются формы структур духовности крестьянства России, отражающие его поведение в «большом» обществе: неформальное усвоение православия, цельное ощущение действительности, конкретное усвоение идеи русской интеллигенции о правде и справедливости.

Ключевые слова: крестьяне, сознание, духовность крестьянства, православие, «большое» общество, цельность, русская интеллигенция

Обоснование специфики духовности российского крестьянства невозможно без выявления форм ее структур, связанных с его поведением в «большом» обществе. Прежде всего, отметим, что своеобразие земледельческого труда, будучи включенным в систему социальных отношений, накладывает отпечаток на общественно-политическое поведение крестьян. Последнему свойственна

органическая особенность их сознания: устойчивое локально ориентированное сознание ограничивает и затрудняет возможность восприятия социальной действительности, видение общественных проблем у них целостно и системно. Такое сознание способствует неадекватной оценке наличной объективной ситуации и своего положения в обществе [Михайлова 2002: 59]. Но помимо специфики собственно земледельческого труда здесь мы учитываем особую роль религии, в частности православной. Неформальное усвоение христианства, нашедшее отражение в сложившейся православной системе ценностей, во многом обусловило духовность крестьянства России. Православие, по характеристике В.Н. Муравьева, является мягкой волной, пронизывающей человека и в то же время окружающей со всех сторон. «Дух православия есть дух всеобъемлющий. Он не знает разделения и отделения» [Муравьев 1990: 189]. Находящиеся вне церкви элементы (секты) православная церковь не признает. «Они для нее не существуют. Она знает только то, что находится в ее ограде. Она судит только тех, кто уже в этой ограде находится. Для православия в настоящем, наиболее чистом его учении, нет неправославных, ибо есть только те, кто православны» [Муравьев 1990: 189]. Названная специфика православия отчетливо выступает при сравнении его с католицизмом. «Католичество все режет ...» [Муравьев 1990: 189]. В отношении к элементам, стоящим вне церкви, «католичество их отмечает или, наоборот, завоевывает. Оно исходит из признания их внешними элементами, себе чуждыми, посторонними» [Муравьев 1990: 189]. Вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что специфика земледельческого труда, как и особенности православия, способствуют отсутствию в русском крестьянине раздвоенности между мыслью и действием, формированию тождественности мысли, ощущения, чувства, действия и всего того, что из них вытекает.

Муравьев отмечает, что в древнерусских песнях и рассказах его поразила черта, которую он назвал «странной», — отсутствие логики, кажущееся на первый взгляд отсутствием сознательности. Древняя русская речь первоначально казалась ему неуклюже и противоречиво построенной, рассуждения в ней звучали как описания случайных, не связанных мыслью переживаний. Уподобление этому на первый взгляд признаку отсталости, культурной слабости позволило ему сравнить древнерусских людей с дикарями. Однако более вдумчивое отношение к этим явлениям, особенно понимание того, что на их основе возникло могучее государство, позволило Муравьеву изменить свою позицию. Он сделал вывод о том, что «там, где для нас нет смысла в том значении, какое мы сейчас ищем, был все же другой смысл, сокрытый от нас нашей неспособностью его уловить. Мы увидим, что все эти не связанные и как будто не согласные проявления обладали на самом деле великой действенностью, что указывает на их внутреннее слияние. Мы поймем, что там, где не было мысли в европейском смысле (ей свойственно находиться под воздействием господствующего абстрактного разума, действующего обособленно от других сторон духа [Гуревич 2001: 213]), было, быть может, больше, чем мысль, — было цельное ощущение действительности. Мысль также в него входила, но не господствовала, не управляла человеком, отрывая его от действительности. Мысль эта была в нем подчинена действию всего его существа, всех его совокупных способностей и благодаря этому не создавала в нем никакого раздвоения» [Муравьев 1990: 188-189]. Каким образом можно объяснить отсутствие раздвоенности, наличие внутреннего единства способностей духа крестьян? Заинтересованность крестьянина, свободно ориентирующегося в земледелии (своей «стихий»), «своим делом» так поглощает всего его, что он «ничего не знает о происхождении и значении начальства, не знает, за что началась война и где находится враждебная земля и т.д.» [Успенский 1987: 405]. Все, что происходит конкретно в «большом» обществе, крестьянин воспринимает

как случайности. «Случайности всевозможной политики — в царе. Царь пошел воевать, царь дал волю, царь дает землю, царь раздает хлеб. Что скажет царь, то и будет...» [Успенский 1987: 405].

Как видим, цельность духа крестьянства складывалась в течение веков российской действительности [Муравьев 1990: 188]. И.В. Киреевский полагал, что главным достоинством русского ума и характера является цельность. Она понимается как преимущественное стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного [Киреевский 1979: 290]. О том, какие формы приобретает цельность крестьянства, рассмотрим на примере того, как оно усвоило по-своему, конкретно идеи русской интеллигенции. Опираясь на высказывания Г.И. Успенского, В.Н. Муравьева, отметим, что русское интеллигентское миро-созерцание, во-первых, состояло из совокупности идей, отражавших все главные течения европейской мысли. Все они были усвоены со свойственным русской душе максимализмом: в поисках последней религиозной правды в европейских откровениях интеллигенты находили ее в каждой идее, теории; но из них делались неверные выводы. Во-вторых, в своей основе оно имело «умственность в худшем ее виде». Освоение большого объема «книжных» знаний, чужого опыта как опосредующего звена между интеллигентами и реальным миром создавало возможность ситуации оторванности от контекста российской действительности. Такое освоение несет в себе элементы механистичности. «Всякое размышление, оторванное от действия, — умственно... Главный признак умственности — в отрыве мысли от действия. Умственная мысль рассуждает о чем-то вообще, об отвлеченных понятиях, качествах, категориях» [Киреевский 1979: 290]. При этом мысль интеллигента касалась человека, мира, государства.

В отличие от умственной, конкретная мысль имеет в виду «этость»¹ предмета, о которой он рассуждает. Конкретная мысль всегда исторична и одинаково может касаться истории вещи, человека, нации и истории Бога. Сущность ее есть постижение прошлого как единственно существующего. Такое постижение представляется не столько умственным, сколько целостным существом человека.

Из сказанного следуют два принципиальных вывода. Первый: русская идейная жизнь была оторвана от ее крестьянских, религиозных корней. Второй: крестьяне не отвлеченно, по-своему, конкретно (понятийные структуры духовного мира крестьянина конкретны) усвоили идеи русской интеллигенции, выражавшей неприятие монархии. Медленно действовавшие «духовные яды» государственного отщепенства интеллигенции проникли и в крестьянство. Народ² «не мог за несколько месяцев изменить свою сущность, научиться понимать умственно, уйти от своих давних психологических навыков. Он остался в своих способах разума и действия целостным и действенным, и то, о чем мечтали, думали, говорили, писали интеллигенты, он осуществил» [Киреевский 1979: 196]. Одухотворенные идеей русской интеллигенции одетые в серые шинели крестьянские массы в 1917 г. вместе с рабочими ниспровергли государство. Разумеется, дело тут было не только и даже не столько во влиянии интеллигенции на крестьян. Причины их антигосударственных настроений имелись и в них самих. Практичного крестьянина менее всего интересовало государство будущего; его привлекали догосударственные ценности. Поэтому нельзя не учитывать значимость крестьянского сознания в качестве конкретной общественной силы.

Задаваясь вопросом о том, в какой мере и как русское крестьянство оказалось в

¹ В философии Д. Скотта «этость» понимается как принцип индивидуализации видеоопределяющей формы.

² В работе В.Н. Муравьева употребляется термин «народ». Под ним мы понимаем, прежде всего, крестьянство.

1917 г. вовлеченным в революционные действия, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. «Зов тела», принявший форму «шкурных» интересов крестьянства, проявился в виде страха и усталости на фронте, ожидания обогащения в тылу, возможности получить землю, которой ранее владели богачи. Однако дело было не только в «зове тела» («темных инстинктах»). Поведение крестьян направлялось также идеальным порывом – верой «в какую-то новую внезапную правду, которую несла с собой революция. То была вера в чудо, то самое чудо, что отвергла презрительно интеллигенция и тут же народу преподнесла в другом виде – в проповеди наступления всемирной революции, уравнивания всех людей и т.п.» [Муравьев 1990: 196]. Говоря о вере, мы не хотим сказать, что интересы крестьянства как материальная сила в революции не присутствовали. Проявление названных влечений крестьянства стимулировалось внешним влиянием – идеями интеллигенции о правде и справедливости. Другими словами, идеал древнерусского человека – Царство Божие на земле, который поддерживался в его сознании через церковь и государство, получил возможность выступить в форме социалистического «рая». Восприятие идей социализма крестьянскими массами было ускорено спецификой понимания их либо как раздела наличного имущества, либо как получения достаточного и равного пайка с наименьшей затратой труда, минимумом обязательств. Такое понимание соответствовало индивидуалистической «концепции жизни» крестьян.

Называя это обманом, Муравьев указал на то, что в русской революции соединились две расщепленные части русской души – душа умствующая и душа действующая. Конкретное усвоение крестьянами интеллигентской идеи приняло формы ужасающего их искажения как в практических делах, так и в отвлеченных понятиях демократии, буржуазии, социализма и т.д. В результате в отношении к государству как форме «большого» общества крестьяне демонстрировали «глубокую неопытность» [Розанов 1991: 35].

Подводя итог сказанному, можно отметить: не отсутствие логики, а изначальная целостность, базирующаяся на глубинном течении духовной жизни, была характерной чертой и силой русского человека. Отсюда все поступки крестьянина (обработка земли, посадка дерева, ловля рыбы, сбор урожая, уход за животными, а также все явления повседневногo сопротивления в негативных формах – воровство, избивание, убийство, мнимое неведение, поджоги, симуляция, дезертирство) являются ее выражением. «Он целостно молился, целостно любил и ненавидел, целостно строил и разрушал. И вся древнерусская культура носила отпечаток этой цельности. Власть в области государственности, Церковь в области соборной духовной жизни, подвижники в области личного духовного достижения были произведениями этой целостности» [Муравьев 1990: 189]. Отсутствию раздвоения между мыслью и действием соответствовало то, что крестьяне не знали отвлеченных понятий, плодов оторванной умственности. Тем самым они демонстрировали свою состоятельность с точки зрения целостности их специфической духовности.

Список литературы

Гуревич П.С. 1999-2001. *Философия человека*. М.: ИФ РАН. Доступ: gurevich_human_being_philosophy.pdf (проверено 14.06.2016).

Киреевский И.В. 1979. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России: письмо к графу Е.Е. Комаровскому. – *Критика и эстетика*. Доступ: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_prosv_evrop.html (проверено 14.06.2016).

Михайлова Р.В. 2002. Объективные состояния крестьянства как социальной общности. – *Философия и общество*. № 4(29). С. 55-78.

Муравьев В.Н. 1990. Рев племени. — С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. *Из глубины: сборник статей о русской революции*. М.: Изд-во Московского университета. С. 186-203.

Розанов В.В. 1991. В Совете рабочих и солдатских депутатов. — *Под созвездием топора. Петроград 1917 года — знакомый и незнакомый: сборник*. М.: Советская Россия. С. 31-46.

Успенский Г.И. 1987. Крестьянин и крестьянский труд. — *Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века*. М.: Современник. С. 381-424.

MIKHAILOVA Renata Vasil'evna, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of General Disciplines, Chuvash State Agricultural Academy (29 Karla Marksa St, Cheboksary, Chuvash Republic, Russia, 428003; neti-mix@yandex.ru)

AGAEVA Ekaterina Vasil'evna, Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor of the Chair of General Disciplines, Chuvash State Agricultural Academy (29 Karla Marksa St, Cheboksary, Chuvash Republic, Russia, 428003; agaeva.ek@yandex.ru)

IL'IN Evgeniy Vasil'evich, Cand.Sci.(Ped.), Associate Professor of the Chair of General Disciplines, Chuvash State Agricultural Academy (29 Karla Marksa St, Cheboksary, Chuvash Republic, Russia, 428003; Ilyin.evgeniy2012@yandex.ru)

ABOUT SPIRITUALITY OF RUSSIAN PEASANTRY IN THE «BIG» SOCIETY

Abstract. The authors study forms of the structures of spirituality of Russian peasantry reflecting its behavior in the «big» society. They include informal adoption of Orthodoxy, unbroken reality sensation, concrete mastering of ideas of the Russian intelligentsia on truthfulness and justice.

Keywords: peasants, consciousness, spirituality of peasantry, Orthodoxy, «big» society, integrity, Russian intelligentsia